

УДК 398.3(=512.1)
ББК Ш23(2)(=63)*40

В.Г. РОДИОНОВ

ОБ ОДНОЙ ПРАТЮРКСКОЙ МАГИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЕ, СТАВШЕЙ В ОБРЯДОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ ПРИЧИНОЙ ОБРАЗОВАНИЯ ЖАНРА «ПЕСНЯ»

Ключевые слова: обрядовый фольклор, заклинательная формула, жанр, реконструкция семантики, древние тюрки, мотив пути, хронология.

Проблемы исторической реконструкции традиционных обрядов, мировидения, языка и поэтики фольклора, народного искусства требуют от современного исследователя духовной культуры этноса комплексного подхода. Последний учитывает достижения современных смежных наук, прежде всего этнокультурологии и этнолингвистики, археологии и фольклористики, сравнительной и типологической этнологии. С помощью подобного метода успешно восстанавливается история архаичной формулы, встречающейся в ряде жанров чувашской обрядовой поэзии, а также восстанавливается ее архаическая семантика. В алтайскую и пратюркскую эпохи семантику «петь» (напевно-речевое исполнение обрядового текста) имел ряд лексем, которые в дальнейшем дифференцировались и обрели дополняющие друг друга значения. Чувашский язык благодаря своему раннему отделению от остальных тюркских языков смог сохранить наиболее архаичную заклинательную формулу. Чувашский термин йорă/йурă, как синтез обрядово-вербального заклинательного текста и музыкального напева, сложился в эпоху становления в обществе древних болгар и других родственных им племен военной демократии. Со временем благодаря архаичной магической формуле данным термином стали означать не только обрядовые, но и лирические напевно-речевые тексты. Таким образом, в чувашском фольклоре термин обрел семантику, означающую не только отдельный жанр, но и целую группу напевно-речевых текстов.

Для исследователей традиционной этнической культуры до настоящего времени остается актуальным нахождение этнографических связей фольклора с тем кругом явлений, которые составляют предметную область науки этнографии. Как замечает Б.Н. Путилов, эти внутренние связи и зависимости пронизывают фольклор, являются для него универсальными; они «обуславливают генезис и истоки жанровых систем, фольклорной сюжетики, образности и поэтической структуры, характер историко-фольклорных процессов, способы создания и особенности функционирования» [17. С. 3]. Стихотворные жанры и поэтические тексты функционировали и проявляли истинный свой смысл и содержание именно в древней обрядовой практике. Как известно, волшебные сказки генетически связаны со структурой и семантикой обряда инициации и культом умерших предков. Наряду с ними в условиях ранних общественных отношений действовали различные формы магии, тотемистические представления, специфичные формы сознания.

Механизм превращения собственно этнографического материала в поэтические обобщения, элементы и системы бессознательно происходит путем его формализации. «Формализация, – объясняет Б.Н. Путилов, – предполагает обобщение, в котором заложено конфликтное начало. В этнографическом явлении фольклорное творчество обнаруживает присутствующую в нем (явно или скрытно) конфликтную оппозицию либо само привносит в него эту последнюю» [17. С. 10–11]. Но в обрядах, например, в свадебном, конфликты и столкновения «своего» и «чужого» ярко выражены как в акциональных, так

и в вербальных текстах. Свадебные стереотипные персонажи (старший и младший дружки, свадебные поезжане со стороны жениха и невесты) на чувашском *туй* «свадьба» сценично изображали конфликт между двумя пространственно отдаленными родами. Мотив преодоления всяческих трудностей в пути и мотив борьбы двух противоборствующих сторон являются основными и в исполняемых ими зазорных песнях. Обобщая вышеизложенное, нам еще раз следует повторить, что «произведения обрядового фольклора нельзя рассматривать в отрыве от обрядов, в которые они входят» [18. С. 5].

В данной работе мы намерены ретроспективно изучить историю одной весьма архаичной формулы, встречающейся главным образом в песнях свадебных поезжан со стороны жениха и восстановить ее архаическую семантику, тем самым показать жанрообразующее значение данной формулы для многих напевно-речевых текстов. Для этого нам необходимо с помощью современных методов сравнительной этнолингвистики и лингвокультурологии решить круг вопросов, связанных с историей терминов *авӑм-лам-*, «*сажра-«петь»*», *йорӑ/юрӑ* «песня» и *кӗвӗ* «напев». Используемая в статье историческая хронология заимствована из научных трудов А.В. Дыбо, которая историю развития чувашской системы гласных делит на следующие этапы: древнечувашский (древнебулгарский), среднечувашский (волжско-булгарский) и собственно чувашский (новочувашский). Первый этап включает в себя время от деления предка чувашского от остальных тюркских языков до прихода болгар на Волгу (с рубежа н.э. до IX в. н.э.). Второй этап завершается, а третий начинается в XIV–XV вв. и продолжается до наших дней [19. С. 224].

В чувашском языке лексемы со значениями «петь», «песня» имеют две различные словоформы: глагол *авӑм-лам-* «петь» и имя существительное *йорӑ/юрӑ* «песня». Из вышеприведенного глагола образовано слово *автан* «петух»: *авӑм-* + аффикс причастия *-ан* (дословно – поющий). Ср.: др.-тюрк. *eŋ-* «петь», тат. *әгәч* «петух»; марЛ. *автан*, *аптан*, марГ. *атан/ӑтӑн* «петух» (< чув.) [20. Т. 1. С. 28]. В глоссариях XVIII в. зафиксирована только средненизовая и низовая форма: *авдан* (1737, 1769) [23. С. 99], но в отдельных говорах верховых чувашей она звучала, как видно из горномарийского заимствования, сокращенно: *атан*. В тюркских языках глагол *öt-* имеет три группы основных значений: 1) «петь» (о птицах); 2) «издавать звуки», «издавать крик» (о животных), «щебетать» (о птицах), «куковать», «стрекотать» (о сверчках), «квакать», «звенеть», «греметь» (о громах); 3) «повествовать, рассказывать», «говорить», «толковать», «произносить (слова)», «выражать (устно свои мысли)», «нарекать», «называть», «высказывать», «отвечать», «возвещать», «объявлять», «сообщать», «доносить», «повелевать», «болтать», «читать» [21. С. 556]. Из большого спектра семантик самыми ранними являются, на наш взгляд, значения, сохранившиеся в языке болгарской ветви (чув.), а также в языках саяно-алтайских тюрков и якутов. Очевидно, в пратюркском слово *öt-* означало не только издание разнотонных звуков (птицами и животными, может быть, и человеком), но и говорение (ср. як *ät-* «говорить»). Чувашский певец-импровизатор Хведи (его песни записаны в 1833 г. на территории средненизового диалекта) глагол *авӑм-* использовал в значении «петь» (как о птицах, так и о людях): *Пирӗн автас килмест-и?* «Нам не хочется ли петь?». Следовательно, вышеназванные значения данного слова пользовались и в начале XIX в.

В словаре Махмуда Кашгари, составленном в 1072–1074 гг., значения «петь», «петь» имеют несколько самостоятельных лексических единиц: *eŋ-öt-*

[11. С. 186, 391–392], *sajra-* [11. С. 481], *jir* [11. С. 268], *jurla-* [11. С. 282]. Первое слово означает «пение птиц», второе – «петь, заливаться, чирикать»; «болтать взор, говорить глупости», третье и четвертое – «песня», «петь» (только о человеке). Чув. *аслати авăтатъ* «гром гремит» дословно можно перевести как «старший отец разговаривает» (звуковая фактура грома далеко не похожа на интонированное речевое исполнение, последним отличается голос разговаривающего человека). Отсюда можно полагать, что в древнечуваашском *et-/öt-* имело семантику не только «петь», но и «разговаривать». Очевидно, так было и в пратюркскую эпоху. Но позднее в ряде тюркских языков оно вытеснено словом *sajra-*, заимствованным, как полагают некоторые исследователи, из китайского языка [3, 2. С. 132]. Последняя лексема сохранена в кыпчакских и ряде других языках, в которых происходило интенсивное развитие мусульманской письменной культуры.

Чувашское слово *йорă/юрă* с семантикой «песня» в русскоязычных глоссариях XVIII в. фигурирует с 1737 г. Все они написаны кириллицей, но разнятся между собой с точки зрения диалекта и правописания: *юрладабъ* «пою» (1737), *й^орладапъ* (1769), *юрласъ* «петь» (1786–1789), *й^орлатъ* «поет» (1789) и т.д. [23. С. 406]. В грамматике чувашского языка, составленной В.П. Вишневым (1836), имеется отдельный раздел («Слова, сходные в чувашском, татарском и черемисском языках»), в котором целенаправленно подобраны слова с одинаковыми значениями и схожими фонетическими формами. Там лексема с семантикой «песня» (*й^ора*) названа сходной татарскому слову (*еръ*) [9. С. 159]. Продолжая дело своего предшественника, Н.И. Золотницкий посвятил сравнительному изучению тюркских, финно-угорских и других языков капитальный труд «Корневой чувашско-русский словарь» (1875). К словарю приложены разные сравнительные статьи «о предметах верования, обрядах и обычаях» народов региона, прежде всего тюркских [12]. В словарной части автор пишет: «*Йорă* “песнь” (якут. *ырыа*, тат. *йырыу*, кир. *йыр*). *Шыпчык килэть йоррибэ* “соловей прилетает со своей песней” (из причитания). *Йорла* “петь” (тат., кир. *йырла*, якут. *ылла*, перс. *зурна*, алт. *сарна*). *Йорлаттар* “заставить петь”» [12. С. 17]. Из вышеприведенных сравнений следует полагать, что ученый допускал их генетическую связь. В.Г. Егоров в «Этимологическом словаре чувашского языка» (1964) тоже приводил эти и другие тюркские параллели, но почему-то не стал углубляться в этимологию общетюркских лексем с семантикой «песня» [13. С. 350]. М.Р. Федотов к тюркским соответствиям добавил близко звучащие прамонгольский, монгольский и бурятский варианты со значениями «наслаждаться», «блаженствовать», тем самым, очевидно, хотел указать на более раннюю семантику пратюркского *jir* [20. Т. 2. С. 490].

Настоящими этимологическими реконструкциями занялся Р.Г. Ахметьянов, который впервые обратил внимание на фонетическую трудность, возникающую при сопоставлении чувашского *юрă* с общетюркским *jir*. Дело в том, что по законам развития тюркской исторической фонетики чувашская форма должна восходить к ранней основе *jar*, а не к *jir*. Сохранение анлаутного *j* тоже вызывает сомнение в исконности слова в чувашском языке. Эти вполне справедливые аргументы заставили татарского ученого первоначально полагать, что чувашское *йур/йор* происходит от тат.-миш. *йар* ~ казан. тат.-каз. *жар* «песня-обращение к природе» (общетюрк. *жар* «клич, указ, объявление») [2. С. 186]. В другой работе Р.Г. Ахметьянов, уточняя первичную версию, выдвинул такое предположение: чуваша, как и сибирские татары,

могли заимствовать *йур/йор* от ногайцев [1. С. 104]. Там же ученый выразил свое сомнение: «Не удовлетворяет нас и сближение слова *жыр* с общетюркским *йар*, *жар* 'клич; громкое объявление; обращение; решение; приказ' (откуда общетюрк. *ярлык* 'приказ; объявление, ярлык')» [1. С. 104]. Далее он все же допускает, что связь слов *жыр/йыр* «песня» и *жар/йар* «клич; обращение, объявление» могла быть только в более глубоком, общеалтайском срезе (в тунгусских языках фонетически близкие слова означают «крик, окрик», «петь гимны, воспевать» [1. С. 105]. В последнем капитальном труде этимолог пытается примирить все выдвинутые им предположения, при этом сохраняет свой главный тезис: чувашское *йурă* является заимствованной от кыпчаков (татар) лексемой [3. Т. 1. С. 282]. Следует заметить, что в данном случае талантливый этимолог-лингвист, строго следя за нарушениями законов исторической фонетики, совершенно не учитывает методологического положения о наличии тесной связи между термином и обрядом. Его тезис о заимствовании язычниками чувашами, которые всегда имели богатый обрядовый фольклор, термина языческого фольклора у мусульман, корректно говоря, не совсем правдоподобен.

В «Этимологическом словаре тюркских языков» (1989) представлены все варианты *йыр*, с их семантикой «песня», «эпическая поэма», «стихи». Здесь же изложено предположение Г. Рамстедта об ономастопозитическом происхождении данного слова в сравнении его с *ċir*, *žir* [22. С. 288]. В вышеназванной книге словарные статьи *жар*, *йарлыу* и *чарла*- объединены в одну группу. Первое слово в тюркских языках и их диалектах имеет следующие основные значения: «клич»; «извещение, объявление»; «крик, звук, шум»; «приказ, приказание»; «опасность, просьба, помощь». Вторая лексема содержит такие семантические группы: «объявление, извещение»; «приказ», «повеление», «предписание», «распоряжение», «решение, позволение»; «княжеская грамота», «свод религиозных предписаний», «грамота, написанная бумага» и др. Глагол *чарла*- имеет такой ряд семантик: «издавать крик, кричать», «громко плакать, реветь»; «звать»; «объявлять»; «приказывать»; «проповедовать»; «разболтать тайну» [22. С. 18–19].

На основе анализа материала автор статей Л.С. Левитская приходит к таким выводам: *йар ~ жар ~ чар* принадлежат классу древнейших общетюркских (и, вероятно, тюрко-монгольских) лексических основ); «односложная лексическая основа или корень *жар*, возможно, звукоподражательного происхождения, является тюрко-монгольско-маньчжурской» [22. С. 19–20].

Итак, возвращаясь к этимологии чувашского *юрă*, следует заметить, что выдвинутая Г. Рамстедтом гипотеза об ономастопозитическом происхождении *jir*, *ċir*, *žir* выглядит более вероятной и, особо следует подчеркнуть, свободной от всяких субъективных предвзятостей. Тем более, что при реконструкции исследователями почти не использован чувашский, а также финно-угорский материал. Марийский этимолог Ф.И. Гордеев еще в 1979 г. выдвинул оригинальную версию происхождения слова с семантикой «песня» в языках народов Урало-Поволжья. По его наблюдениям, в ряде деревень луговых мари подражание мелодии праздничной песни имеет следующие звуковые варианты: *ара-ра*, *ара-ра-ра*, *ра-ара-ра* [10. С. 127]. Эти ритмически организованные имитативы автор сравнивает с хант. *aar* «пение», фин. *äristä* «ворчать, брюзжать» > рус. *аран-дать* «повторять звук "ар-р, а-р", "ворчать, брюзжать". По его мнению, коми-з. *рой* «припев к песне», морд.-м. *ракамс*, *рахемс* «смеяться» (*рай*+ *-ке* + *мс*) идентичны русскому *рай* «гул, шум, отзвук», *раять* «звучать».

Корень *ара* марийский этимолог усматривает «в сложном междометии чув. *ай-яр-ра-ара-ра-ра-ра* – подражание восклицанию припевного характера < *ай* + *яр* + *ара*» [10. С. 127–128]. Он предполагает, что компонент *яр* в последнем одного и того же происхождения, что и кирг. *яр-яр-яр* «припев к свадебной песне, исполняемой женщинами; свадебная песня». Далее ученый сопоставляет финно-угорское *ара* и тюркское *яр* (*йар*) с санскритским (*arka*), древнеиндийским (*arkaa*), арамейским (*erg*) «песня». Здесь автор, очевидно, желает вывести рассматриваемое слово с семантикой «песня» на ностратический уровень: «Вполне возможна близость этих лексем на основе одинакового (ономатопозитического) происхождения, как и эскимос. *ара* “крик”, адыг. *орэд* “песня”» [10. С. 128].

Требуется более внимательного изучения чувашского так называемого «сложного междометия», приведенного Ф.И. Гордеевым в вышеназванном труде. В первую очередь необходимо рассмотреть слого-фонетические варианты данной звуко-ритмической формулы в контексте обрядов и жанров фольклора. Впервые она встречается в фольклорных записях и произведении С. Михайлова (Яндуша). Так, «Песня ребят чувашских» (там поется о приглашении молодежи в лес) начинается с такой строки: «*Ояр ояр ояра, ра-ра, ояра* (2 [раза])» [15. С. 378]. В очерке «Чувашские свадьбы» (1852) автор пишет следующее: «После пляски все поезжане и жених шумно идут в избу к родителям с песней: “*Ой-ра-ре-ри ой-ря-ря-ре-ря-ря*”. Это начало свадьбы называется *шынгылаче* “тревожатся” или “поднимаются”» [15. С. 77]. Настоящее значение данного термина связано с молодыми парнями (*шӑнкӑл* «младший»), в свадебной свите имевшими название *кӑрнӑкерсем* (*кӑрӑ* «жених» + *нӑкерсем* «воины, нукеры»). Свадьбу они начинали с данной песни, а перед поездкой за невестой полдружка (*кӑсӑн кӑрӑ*) надевал на одно плечо «лук, навязавши на верхний конец его для красы холста аршин шесть, вложив стрелу в кожаные ножны (по-чувашски *кистень*), которые подвешивал себе как шпагу» [15. С. 77]. Данная свадебная сцена инициировала, как нам представляется, древние традиции военных походов: именно перед отправлением в дальний путь нукеры-воины исполняли песни с магической формулой (заклинания с целью удачного похода и возвращения). Такая древняя традиция смогла лучше сохраниться в свадебном обряде, в котором главное место занимает тот же мотив похода в чужое (враждебное) горизонтальное пространство. Отдельные элементы этой традиции наблюдаются и в обряде проводов в рекруты (солдаты). По нашим наблюдениям, в пограничье средненизовых и верховых чувашей (Вурнарский и Канашский районы ЧР) перед обходом родственников призывника еще в конце 1960-х гг. исполняли песню с ритмико-магической формулой *ай-яр, ай-яр, ай-яр-ах*. В с. Абызово (Вурнарский район) данная формула в песнях имела несколько измененную структуру: «*ай-йар-ай-йар-ай-йара*» [4. С. 14]. Н.И. Ашмарин назвал ее словами, не имеющими значения и прибавляемыми в конце отдельных частей песен. В записях С.М. Максимова одна рождественская песня (*сорхори йорри*) имеет весьма близкую ритмическую формулу: «*Ай-яр, ай-яр, ай-я-рах!*» [14. С. 220]. Текст построен на основе развития мотива перемещения в горизонтальном пространстве (исполняющий песню гость приглашает остальных вместе идти по своим домам). В сборнике С.М. Максимова сходную структуру отражают и песни без слов, входящих в состав главным образом свадебных, рекрутских и молодежных лирических песен [14. С. 171–172, 271]. В них магическая

формула имеет словоформу *яр* (*йар*) и междометие *ай*, которые повторяются по три раза (*ай-яр-рах* < *ай-яр-ах*), а в конце строки расположена частица *-ах*, указывающая на завершенность действия (цикла).

Далее необходимо определить семантические границы чувашского термина *юрă*. Он встречается в паре с *кĕвĕ* и, по определению Н.И. Ашмарина, имеет значение «песни (вообще)» [6. С. 6]. Там же *юрă*, *йорă* объяснено так: *Йорăсам ахаль йорласан та, сăмахпа йорласан та йорăсамах полаççĕ*, т.е. «*йорă* без слов или со словами – все равно называются *йорă*». Такое понимание *йорă* сохранилось прежде всего среди верховых, частично средне-низовых чувашей. В их речи лексема *кĕвĕ* означает в основном инструментальное исполнение («мотив, мелодия»). В ареале распространения хоро-водных песен (среди низовых и частично средненизовых чувашей) местами *кĕвĕ* заменяется другим термином – *сăвă* «стих, стихотворение», ср.: *сăвă кала* «петь хоро-водные песни» [7. С. 237]. Эти особенности следует отнести к поздним изменениям.

Итак, термин *йорă/юрă* «песня» распространен во всех диалектах чувашского языка, поэтому его следует отнести к древней лексике. В ареале распространения вышерассмотренной ритмико-магической формулы этим словом называют и песенные напевы без слов, а их принадлежность к конкретному жанру определяют на основе напева, а не слов. Отсюда можно полагать, что жанровые признаки имеют не столько слова, сколько напевы песен. Отличие *йорă* от *кĕвĕ* в том, что первый как музыкальный жанр имеет вокальное, а второй – инструментальное исполнение (чув. *кĕвĕ* < пратюрк. **körə* «мелодия, веселье», кыпч. **küj*, хак. *kög*, тув. *xör*; в чувашском не произошло перехода краткого гласного в задний сингармонический ряд после согласного *к-* из-за сочетания с **-w-*) [19. С. 177]). Следует полагать, что при синкретичном напевно-речевом исполнении обрядовой песни мелодия задавала ритм, а издаваемые человеком звуки выражали желания и цели исполнителей, которые со временем способствовали образованию ритмически-магической формулы *ай-яр*, *ай-яр*, *ай-яр-ах*. Вид такого исполнения в дальнейшем стал называться *йар*, как основная словоформа, она повторялась в формуле три раза, тем самым обретала дополнительную магическую силу.

Йар в чувашском языке несомненно относится к имитативам, в другом случае (если имитатив с помощью аффикса превращался в самостоятельную лексему, то он начинал подчиняться фонетическим законам функционирующего языка) сегодня он выглядел бы как **çур* + словообразовательный аффикс. Как заметил Н.И. Ашмарин, пратюркская светоподражательная частица *йар* с помощью аффикса образовала слово *йаркын* со значениями «блеск», «свет», «луч», «сияние» и т.д. В чувашском это слово со значением «свет» сохранилось в словосочетании *çурăм пуç* «заря», что дословно значит «начало света» [8. С. 345]; [22. С. 135]. В древнебулгарском языке от имитатива *jar* путем добавления аффикса образовалось новое слово (*jarı*) со значением «напевы с заклинаниями и пожеланиями», т.е. песни воинов (свадебных поезжан), отправляющих в чужое горизонтальное пространство. Их действия и словесно-музыкальные исполнения были направлены на достижение главной цели – победы в противостоянии с «чужими» (добыча невесты и богатства), а также успешное возвращение в свой род, племя, страну – **эл* > *йал*. Образцы подобных напевно-речевых жанров чувашских песен Ф.П. Павлов видел в героических песнопениях гуннов Аттилы: «Их песни и музыка – воин-

ственные мелодии, торжественные триумфальные мотивы, прославляющая героев поэзия, богатырские напевы» [16. С. 260]. Гипотеза чувашского композитора имеет, на наш взгляд, историческую обоснованность и эволюционно-теоретическую доказуемость.

Н.И. Ашмарин считал, что в чувашском языке подражательных слов (имитативов) гораздо больше, чем в других тюркских языках. *Йар* он относил к светоподражательным частицам. «Для светоподражательных частиц весьма характерными звуками в чувашском языке являются *й, ч, р, л*, – писал ученый. – Последний звук встречается как в световых обозначениях, так и в мимемах движения. Чувашские *йал, йалт, йӓлтӓр-йалтӓр, йӓл-йал, йӓлт-йалт, чӓл-чӓл* представляют именно подражания блеску разных оттенков: *йӓлкӓш* “пылать”, *йалтӓртат* “сильно блеснуть”, тат.-каз. *йалт-йолт, йолтыр-йолтор*, подражание сверканью, *йал* “пламя» [8. С. 345]. Фонему *р* Н.И. Ашмарин выделял в следующих подражаниях: 1) подражание движению падающей звезды (*сӓлтӓр ярр анчӓ* «звезда упала»); 2) подражание прямому движению молнии (*сиҫӓм ярр сиҫсе анчӓ* «молния сверкнула по направлению вниз»); 3) подражание плавному реянию птицы и др. В «Словаре чувашского языка» ученый добавляет количество примеров и уточняет их переводы: «*Йар*, подражание плавному движению, движению по прямой линии; подражание яркому свету. <...> «звезда упала плавно (с изв[естной скоростью]. *Вут сӓтти йарах уӓнӓ* (или *сӓп-сӓтӓ уӓнӓ*) «виднеется яркое зарево». *Тул йарах сӓтӓлчӓ* «совсем уж рассветало». *Йар сӓтӓличчен* «до полного рассвета». *Йар сӓтӓ* «яркий свет». *Йар шура* «совершенно белый». *Йар(а) кун* «целый день» [5. С. 219–221]. Семантика *йар* здесь значительно шире, она подразумевает не только непрерывную яркость, но и полноту, пространственную наполненность света.

Исследователи рассматривают рефлексивную форму (идеофон) **йа-* как производящую форму слов *йак-* «жечь», «топить», «гореть», *йал-* (см. *йалын, йалкым, йалкын* «пламя», «свет», «блеск», «молния»), *йан-* «гореть, загораться, зажигаться, воспламеняться, светить», «жечь, зажигать» [22. С. 82, 106, 112], а ее семантика связана со значениями «свет» «блеск» и «огонь». Фонема (она здесь выполняет функцию идеофона) *-р* в имитативе *йар* указывает на продолжительность действия *йа-* (может она удваиваться или даже утраиваться: *йар-р; йа-р-р*). В таком случае *йар* дословно можно перевести «свет, перемещающийся в пространстве» или «наполненное светом пространство». Иными словами: произнося заклинательный имитатив *йар*, участники обряда обращались к небу (солнцу): «продолжай светиться!» Это и есть намерение исполняющих песню: они пытались воздействовать на природу, в данном случае (в текстах свадебных, рекрутских и ряда других обрядовых песен) – с целью успешного преодоления «чужой» (неосвоенной) территории и удачного возвращения в «свое» пространство. В этом им должны содействовать создающие свет и тепло космические объекты, прежде всего Солнце. Ритмически организованная заклинательная формула подразумевает архаическое представление пратюрков о смене света (светлой части суток, дня, лета) тьмой (темной частью суток, ночью, зимой). Ее коллективное напевно-речевое исполнение, как считали они, способствовало скорейшему возвращению дневного времени (*кун*). К сожалению, сегодня уже невозможно полное восстановление данного архаического обряда, их некоторые фрагменты вполне могли быть зафиксированы в древних китайских описаниях обрядов и обычаев сюнну. Но понятно одно: обряд проводился в опасные для жизни

первобытных людей календарные периоды (сезонные солнцестояния, равноденствия), а также обрядов инициации. Для пратюрков небо имело шов в виде Млечного Пути, который в опасные периоды мог порваться, в результате чего устоявшее равновесие между светом (теплом) и тьмой (холодом) нарушилось бы, привело бы к хаосу.

В результате рассмотрения истории архаичной формулы, встречающейся главным образом в песнях свадебных поезжан со стороны жениха, и попытки реконструкции ее архаической семантики мы можем сформулировать ряд положений.

1. В алтайскую и пратюркскую эпохи семантику «петь (напевно-речевое исполнение обрядового текста)» имел ряд словоформ, которые в дальнейшем дифференцировались и обрели дополняющие друг друга значения. Чувашский язык благодаря своему раннему отделению от остальных тюркских языков смог сохранить наиболее архаичные семантики терминов обрядового фольклора.

2. Чувашский термин *йорă/йурă*, как синтез обрядово-вербального заклинательного текста и музыкального напева, сложился в эпоху становления в обществе древних булгар и других родственных им племен военной демократии, т.е. перехода от первобытнообщинного строя к государству. Со временем благодаря архаичной магической формуле данным термином стали означать не только обрядовые, но и лирические напевно-речевые тексты. В результате таких изменений термин *йорă/йурă* в системе жанров чувашского фольклора обрел семантику, означающую группу напевно-речевых текстов.

Список сокращений названий языков

Адыг. – адыгский; др.-тюрк. – древнетюркский; мар.-г. – горный диалект марийского; коми-з. – зырянский диалект коми; морд.-м. – мокшанский диалект мордовского; кирг. – киргизский; общетюрк. – общетюркский; пратюрк. – пратюркский; рус. – русский; тат.-каз. – казанский диалект татарского; тат.-миш. – мишарский диалект татарского; тув. – тувинский; фин.- финский; хак. – хакасский; хант. – хантыйский; чув. – чувашский; эскимос. – эскимосский.

Литература

1. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.
2. Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). М.: Наука, 1978. 248 с.
3. Ахметьянов Р.Г. Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Казань: Магариф – Вақыт, 2015. Т. 1. 543 с.; Т. 2. 567 с.
4. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Казань: Тип. «Красный печатник», 1928. Т. 1. 336 с.
5. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары: Чуваш. книга, 1929. Т. 4. 352 с.
6. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары: Чуваш. книга, 1930. Т. 5. 422 с.
7. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1936. Т. 11. 343 с.
8. Ашмарин Н.И. Чувашская народная словесность: Исследования. Автобиография, воспоминания. Письма / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 430 с.
9. Вишневецкий В.П. Письменная культура раннего просветительства / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 608 с.
10. Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка. Т. 1. А-Б. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1979. 256 с.
11. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. 576 с.
12. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1875. 279 с.
13. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

14. Максимов С.М. Чувашские народные песни. М.: Музыка, 1964. 400 с.
15. Михайлов С.М. Собр. соч. / сост. и примеч. В.Д. Димитриева. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 510 с.
16. Павлов Ф.П. Собр. соч.: в 2 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. Т. 2. 319 с.
17. Путилов Б.Н. Проблемы типологии этнографических связей фольклора // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1977. С. 3–14.
18. Соколова В.К. Введение // Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982. С. 3–10.
19. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э.Р. Тенишева и А.В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 912 с.
20. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с.; Т. 2. 510 с.
21. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 767 с.
22. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж”, “Ж”, “Й” / отв. ред. Л.С. Левитская. М.: Наука, 1989. 293 с.
23. Durmuş Oğuzhan. 18. yüzyıl Çuvaşçasının söz varlığı (18 ёмёрти чаваш сёмахёсем). Edirne: Paradigma Akademi Yayınları, 2014. 553 s.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vitrod1@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0143-7952>).

Vitaliy G. RODIONOV

**ABOUT ONE PRA-TURKIC MAGIC FORMULA,
WHICH BECAME THE REASON FOR THE FORMATION
OF THE GENRE "SONG" IN RITUAL FOLKLORE**

Key words: *Ritual folklore, incantatory formula, genre, reconstruction of semantics, ancient Turks, path motive, chronology.*

Historical reconstruction problems of traditional rituals, worldview, language and poetics of folklore, folk art require an integrated approach from a modern researcher of the ethnospiritual culture. The latter takes into account the achievements of modern related sciences, primarily ethnocultural studies and ethno-linguistics, archeology and folklore studies, comparative and typological ethnology. Using this method, the history of the archaic formula found in a number of genres of Chuvash ritual poetry is successfully restored, and its archaic semantics is also restored. In the Altai and pra-Turkic epochs, the semantics of “singing” (a melodic speech performance of a ritual text) had a number of lexemes, which later became differentiated and acquired complementary meanings. The Chuvash language, due to its early separation from the rest of the Turkic languages, was able to preserve the most archaic incantatory formula. The Chuvash term yora / yura, as a synthesis of a ritual-verbal incantatory text and a musical melody, was formed during the formation of military democracy in the society of the ancient Bulgars and other related tribes. Over time, thanks to an archaic magic formula, this term began to mean not only ritual, but also lyrical melodious speech texts. Thus, in the Chuvash folklore, the term acquired semantics, meaning not only a separate genre, but also a whole group of melodic-speech texts.

References

1. Akhmet'yanov R.G. *Obshchaya leksika dukhovnoi kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [General vocabulary of the spiritual culture of the peoples of the Middle Volga region]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 144 p.
2. Akhmet'yanov R.G. *Sravnitel'noe issledovanie tatarskogo i chuvashskogo yazykov (fonetika i leksika)* [Comparative study of the Tatar and Chuvash languages (phonetics and vocabulary)]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 248 p.
3. Akhmet'yanov R.G. *Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka: v dvukh tt.* [Etymological dictionary of the Tatar language. 2 vols]. Kazan, Magarif -Vakyt Publ., 2015, vol. 1 (543 p.), vol. 2 (567 p.).
4. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Chuvash language. 17 vols.]. Kazan, Krasnyi pechatnik Publ. House, 1928, vol. 1, 336 p.

5. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Chuvash language. 17 vols]. Cheboksary, Chuvash kniga Publ., 1929, vol. 4, 352 p.
6. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Chuvash language. 17 vols]. Cheboksary, Chuvash kniga Publ., 1930, vol. 5, 422 p.
7. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Chuvash language. 17 vols]. Cheboksary, Chuvash gos. izd-vo Publ., 1936, vol. 11, 343 p.
8. Ashmarin N.I. *Chuvashskaya narodnaya slovesnost': Issledovaniya. Avtobiografiya, vospominaniya. Pis'ma* [Chuvash folk literature: Research. Autobiography, memories. Letters]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2003, 430 p.
9. Vishnevskii V.P. *Pis'mennaya kul'tura rannego prosvetitel'stva* [Early Enlightenment Written Culture]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2004, 608 p.
10. Gordeev F.I. *Etimologicheskii slovar' mariiskogo yazyka. T. 1. A-B* [Etymological Dictionary of the Mari Language. Vol. 1. A-B]. Yoshkar-Ola, Mari kniga Publ., 1979, 256 p.
11. *Drevnetyurkskii slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 576 p.
12. Zolotnitskii N.I. *Kornevoi chuvashsko-russkii slovar', sravnennyyi s yazykami i narechiyami raznykh narodov tyurkskogo, finskogo i drugikh plemen* [The root Chuvash-Russian dictionary, compared with the languages and dialects of different peoples of the Turkic, Finnish and other tribes]. Kazan, 1875, 279 p.
13. Egorov V.G. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1964, 355 p.
14. Maksimov S.M. *Chuvashskie narodnye pesni* [Chuvash folk songs]. Moscow, Muzyka Publ., 1964, 400 p.
15. Mikhailov S.M. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2004, 510 p.
16. Pavlov F.P. *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [Collected works. 2 vols.]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1971, vol. 2, 319 p.
17. Putilov B.N. *Problemy tipologii etnograficheskikh svyazei fol'klora* [Problems of typology of ethnographic ties of folklore]. In: *Fol'klor i etnografiya. Svyazi fol'klora s drevnimi predstavleniyami i obryadami* [Folklore and Ethnography. Links of folklore with ancient ideas and rituals]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 3–14.
18. Sokolova V.K. *Vvedenie* [Introduction]. In: *Obryady i obryadovyi fol'klor* [Rites and ceremonial folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 3–10.
19. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskii yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. The pra-Turkic language is the basis. World picture of the pra-Turkic ethnos according to language data]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 912 p.
20. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Chuvash language. 2 vols]. Cheboksary, 1996, vol. 1, 470 p.; vol. 2, 510 p.
21. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and inter-Turkic stems on vowels]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 767 p.
22. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "Zh", "Zh", "I"* [Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and inter-Turkic bases for the letters "Zh", "Zh", "Y"]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 293 p.
23. Durmuş Oğuzhan. *18. yuzyil Cuvascasinin soz varligi (18 emerti chavash samakhesem)* [Chuvash words of the 18th century]. Edirne, Paradigma Akademi Yayinlari Publ., 2014, 553 p.

VITALIY G. RODIONOV – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chuvash Philology and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vitrod1@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0143-7952>).

Формат цитирования: Родионов В.Г. Об одной пратюркской магической формуле, ставшей в обрядовом фольклоре причиной образования жанра «песня» // Вестник Чувашского университета. – 2021. – № 2. – С. 171–180. DOI: 10.47026/1810-1909-2021-2-171-180.